

DOI 10.35775/PSI.2025.117.5.029

УДК 327

Д.А. АВЕРЬЯНОВА-ЗАЙЦЕВА

аспирант кафедры истории и политики России
Института международных отношений и мировой истории
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород

С.Ю. ЧЕРНИЦЫНА

соискатель кафедры истории и политики России
Института международных отношений и мировой истории
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА В КAVKAZСКОМ И КАСПИЙСКОМ РЕГИОНАХ

Исследование посвящено анализу влияния Карабахского конфликта на геополитическую динамику Кавказского и Каспийского регионов, которые занимают ключевое положение на стыке энергетических, транспортных и стратегических интересов глобальных и региональных держав. Актуальность темы обусловлена эскалацией конфликта в 2020 году, переформатированием региональных альянсов и усилением конкуренции за контроль над ресурсами и инфраструктурой. Цель статьи – выявить взаимосвязь между эволюцией Карабахского конфликта и трансформацией геополитического ландшафта Кавказско-Каспийского региона. Основные задачи включают оценку роли внешних акторов (Россия, Турция, США, ЕС), анализ последствий военно-политических изменений после 2020 года и определение влияния конфликта на энергетическую безопасность и транспортные коридоры. В основу исследования легли методы сравнительного анализа международных договоров, мониторинг медийных и официальных заявлений ключевых участников конфликта, а также экспертные оценки роли энергетических проектов (TANAP, Южный газовый коридор). Использованы данные по военным операциям, соглашениям о прекращении огня и миротворческим миссиям. Установлено, что Карабахский конфликт стал катализатором перераспределения влияния в регионе: усиление роли Турции как стратегического партнера Азербайджана, консолидация российского военного присутствия через миротворческие силы и снижение возможностей США влиять на локальные процессы. Выявлена прямая зависимость между конфликтом и безопасностью энергетических маршрутов, связывающих Каспий с Европой. Карабахский конфликт остается узлом противоречий, определяющим баланс сил в Кавказско-Каспийском регионе. Его развитие напрямую влияет на стратегии

внешних игроков, стремящихся контролировать энергоресурсы и транспортные артерии. Стабилизация региона требует комплексного подхода, учитывающего интересы местных государств и ограничения, накладываемые участием глобальных держав. Результаты исследования подчеркивают необходимость многосторонних механизмов урегулирования для предотвращения новых кризисов.

Ключевые слова: Карабахский конфликт, энергетическая безопасность, Кавказский регион, Каспийский регион, энергетические маршруты, Баку-Тбилиси-Джейхан, Южный газовый коридор, Турция, Азербайджан, Россия, ЕС.

Кавказский и Каспийский регионы, находящиеся на перекрестке Европы, Азии и Ближнего Востока, играют ключевую роль в мировой геополитике. Это связано с их стратегическим расположением, значительными природными ресурсами и важными торговыми путями. С распадом Советского Союза ситуация в этих регионах претерпела глубокие изменения, в том числе политические и экономические, что привело к возникновению новых независимых государств, таких как Азербайджан, Армения, Казахстан, Туркменистан и Грузия. Теперь эти страны, наряду с Россией и Ираном, имеют прямой доступ к Каспийскому морю, что, с одной стороны, открыло новые возможности для развития, а с другой – создало дополнительные вызовы в плане геополитической и экономической конкуренции.

Размеры Каспия могут быть интерпретированы по-разному. В нем находятся пять прибрежных государств: Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан. Политика этих пяти стран напрямую влияет на политические и экономические процессы в бассейне. Аналитики нередко расширяют границы региона, включая в него страны, не имеющие выхода к морю, такие как Армения, Грузия и Турция, поскольку их экономики и энергетические системы остаются тесно связанными с каспийским регионом.

Значительные запасы углеводородов в регионе обуславливают его стратегическую значимость. Крупные инфраструктурные проекты, такие как Южный газовый коридор и нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, сделали регион ключевым энергетическим перекрестком для Европы. Тем не менее, на этих торговых путях существует конкуренция, поскольку местные и зарубежные страны борются за контроль над транзитными путями и получение финансовых выгод.

Помимо энергетических факторов, серьезным источником нестабильности в регионе остается конфликт в Нагорном Карабахе. Этот затяжной спор, уходящий корнями в советское прошлое, не только обострил политические противоречия, но и стал одним из ключевых факторов, влияющих на безопасность энергетических маршрутов и региональное влияние мировых держав.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Истоки карабахского конфликта уходят в бурные события первой четверти XX века (революции в России, Первая мировая война, Гражданская война в России). В 1921 году советские власти приняли противоречивое решение о включении Нагорного Карабаха – горного района, населенного преимущественно армянами, – в границы новообразованной

Азербайджанской ССР. Этот шаг, продиктованный необходимостью учета интересов различных этнических групп, стал одной из причин долгосрочных политических и территориальных споров [12].

До конца советской эпохи Карабах сохранял номинальную автономию под управлением Азербайджана. В 1980-х годах, на фоне политических реформ М.С. Горбачева, вопрос о пересмотре статуса Нагорного Карабаха вновь оказался в центре внимания. Армянское большинство региона упорно выражало стремление к воссоединению с Советской Арменией, считая свои культурные и исторические связи непримиримыми с правлением Баку. Это тлеющее недовольство периодически выливалось в общественные протесты, предвещая взрывоопасные конфликты, которые разразятся после распада СССР. В 1988 году региональный совет автономной области официально обратился с просьбой о передаче данной территории Армении, что вызвало массовые протесты в Азербайджане и привело к всплеску этнического насилия. Эти события стали отправной точкой открытой фазы конфликта [5. С. 129].

Распад Советского Союза в 1991 году привел к резкому обострению ситуации в Закавказье. Армения и Азербайджан объявили о своей независимости, а в Нагорном Карабахе прошел референдум, на котором было провозглашено создание самопровозглашенной Республики Арцах. Однако это образование не получило международного признания, включая Армению. Конфликт стремительно перерос в полномасштабную войну с ожесточенными боями, этническими чистками и массовыми перемещениями населения. Армянские силы взяли под контроль не только сам Нагорный Карабах, но и семь прилегающих районов Азербайджана. В результате под армянским контролем оказалось около 20% международно-признанной территории Азербайджана. Это привело к масштабному гуманитарному кризису: сотни тысяч азербайджанцев стали беженцами, а многие армяне покинули территории, находившиеся под контролем Азербайджана. В 1994 году при посредничестве России было подписано соглашение о прекращении огня, известное как Бишкекский протокол. Однако, мирного урегулирования достигнуто не было, а линия соприкосновения сторон оставалась зоной постоянного напряжения [19].

После 1994 года Нагорный Карабах фактически функционировал как независимое государство, имел собственные органы власти и вооруженные силы. Однако его международно-правовой статус оставался неопределенным: ООН и большинство стран мира признавали Нагорный Карабах частью Азербайджана, в то время как Армения оказывала региону политическую и военную поддержку. Попытки международного урегулирования конфликта предпринимались в рамках Минской группы ОБСЕ, куда входили Россия, США и Франция. Однако стороны оставались непримиримыми: Азербайджан настаивал на восстановлении территориальной целостности, а армянская сторона утверждала, что жители Нагорного Карабаха имеют право на самоопределение. Несмотря на формальное перемирие, регион оставался очагом нестабильности.

Одним из наиболее серьезных эпизодов стала эскалация 2016 года, известная как «четырёхдневная война». Однако наиболее радикальное изменение статус-кво произошло в 2020 году, когда в результате Второй Карабахской войны Азербайджан вернул контроль над большей частью спорных территорий.

27 сентября 2020 года Азербайджан начал военную операцию с целью восстановления контроля над оккупированными территориями. Использование современных технологий, включая беспилотные летательные аппараты, высокоточную артиллерию и координированные наступательные действия, обеспечило Азербайджану стратегические преимущества. Ключевые сражения произошли в районах Физули, Джабраила, Зангилана и Губадли. Кульминацией конфликта стал захват города Шуша 8 ноября, что стало решающим фактором для вынужденного подписания Арменией соглашения о прекращении огня.

В результате боевых действий Азербайджан вернул под свой контроль значительную часть территории, ранее находившейся под армянским управлением. Среди освобожденных районов – Физули, Джабраил, Зангилан и Губадли, а также части Агдамского, Кельбаджарского и Лачинского районов, переданных Азербайджану в соответствии с соглашением о прекращении огня [16].

10 ноября 2020 года при посредничестве России было заключено трехстороннее соглашение о прекращении огня между Азербайджаном, Арменией и Россией. Документ предусматривал прекращение боевых действий, вывод армянских вооруженных формирований с оккупированных территорий и развертывание российского миротворческого контингента численностью около 2000 человек для мониторинга соблюдения соглашения.

Одним из важных пунктов соглашения стало восстановление транспортных коммуникаций, включая Лачинский коридор, соединяющий Армению с Нагорным Карабахом, и новый маршрут, обеспечивающий связь между основными территориями Азербайджана и его эксклавом – Нахичеванской Автономной Республикой. Размещение российских миротворцев в регионе подчеркнуло роль Москвы как одного из главных игроков, заинтересованных в сохранении стабильности и контроля над ситуацией. Карабахская война 2020 года привела к существенным изменениям в геополитическом раскладе Южного Кавказа. Азербайджан укрепил свои позиции как региональная держава, в то время как Армения столкнулась с серьезными политическими и военными потрясениями, что вызвало волну протестов и нестабильность в стране.

Участие внешних сил в Каспийском регионе: геополитические реалии. С конца 1980-х – начала 1990-х годов, после завершения холодной войны, внешние силы стали активно вмешиваться в дела Каспийского региона. До этого времени эта территория находилась в зоне влияния Советского Союза. Однако с обретением независимости Туркменистаном, Казахстаном и Азербайджаном, стремившимися к самостоятельности и отходу от советской инфраструктуры, регион стал ареной для новых внешнеполитических игроков. К числу таких стран, активно отстаивающих свои интересы в этом регионе, относятся Европейский Союз, США и Китай. Анализ их роли, методов воздействия и ключевых интересов

в Каспийском бассейне позволяет глубже понять текущую политическую ситуацию в регионе [5. С. 130].

США, в отличие от других акторов международных отношений, не имеют значительных экономических интересов в Каспийском регионе. Их вмешательство обусловлено преимущественно политическими и геостратегическими соображениями. Во-первых, поддержка правительств Азербайджана и Туркменистана помогает предотвратить распространение исламского фундаментализма из Ирана. Во-вторых, содействие развитию энергетических секторов этих стран открывает новые возможности для альтернативных поставок энергетических ресурсов, снижая зависимость от традиционных источников на Ближнем Востоке. В-третьих, укрепление американского влияния в регионе служит стратегической цели ослабления позиций России и Китая, которые являются основными конкурентами США в глобальной политике [17].

Влияние США в регионе осуществляется через различные механизмы политического и экономического сотрудничества с Азербайджаном и Туркменистаном. Азербайджан, в частности, стал важным стратегическим партнером США наряду с Турцией и Грузией. В 1990-е и 2000-е годы были подписаны несколько соглашений по вопросам безопасности, таких как «The Caspian Guard Program» (2004) и «Партнерство ради мира» (1994 и 2010). США также активно инвестировали в развитие инфраструктуры Азербайджана, выделив более 1,3 миллиарда долларов на строительство дорог, развитие медицины, образования и экономики. Кроме того, американские компании принимают участие в развитии энергетических и телекоммуникационных секторов страны, что укрепляет ее экономическое сотрудничество с Западом.

В 2018 году соединенные Штаты Америки выходят из «ядерного» соглашения с Ираном и одновременно предлагают Казахстану постоянное военное присутствие в обмен на использование территории Казахстана как транзитной для поставки снабжения миссии НАТО в зоны военных действий в Афганистан. Очевидно, что таким образом США пытались прийти к военному присутствию в акватории Каспийского моря, план которого назывался «Шторм над Каспием». Он был разработан профессором Дэниэлом Файном в Массачусетском технологическом университете в 1994 году и предполагал провоцирование противоречий в Кавказско-Каспийском регионе с последующим предоставлением помощи в урегулировании, с перспективой размещения на территориях дружественных стран собственных военных баз [9]. Однако к 2018 г., когда у США появилась возможность зайти через Казахстан в акваторию Каспийского моря, оказалось, что государства «прикаспийской пятерки» уже достигли договоренностей о невозможности военного присутствия внерегиональных стран в водах Каспийского моря.

В 2020 году между Азербайджаном и Арменией происходит военное столкновение. Тогда остро встал вопрос о «патрулировании» безопасности трубопроводов, предназначенных для транспортировки углеводородного сырья, проложенных из Азербайджана в Турцию транзитом через Грузию, внерегиональными

странами. Тогда представители высшего руководства энергетической компании Азербайджана SOCAR заявляли, что провокация со стороны Армении была направлена на ослабление азербайджанской инфраструктуры по выводу энергетических ресурсов в страны Западной Европы. Особенно отмечалось, что Транскаспийский регион достаточно уязвим и нуждается в военной поддержке Запада для обеспечения энергетической безопасности Европейского Союза.

Еще одной особенностью данного конфликта является активное участие Турции. Анкара оказывает всестороннюю поддержку Азербайджану не только с позиции дружественного государства, но и с позиции государства, заинтересованного в контроле над энергоресурсами не только как экспортера, но и как транзитера. Эскалация конфликта с Арменией произошла именно накануне полномасштабного запуска проекта TANAP-TAP (первая часть которого была введена в эксплуатацию еще в 2018 году).

Стоит также отметить, что с 8 по 15 сентября на турецкой территории проходили также «совместные учения подразделений подводного нападения и подводной обороны морских батальонов специального назначения ВМС Азербайджана и спецназа Турции». Кроме того, с 18 по 30 сентября спецназы Турции и Азербайджана проводили на территории двух государств учения «Кавказский орел», подробности которых официально пока не разглашаются. Известно лишь то, что в них «принимают участие подводные наступательные и оборонительные подразделения обеих стран».

Столь символичная аббревиатура очередных из череды маневров в очередной раз свидетельствует о том, что Анкара обосновывается в прикаспийской республике всерьез и надолго. И едва ли можно считать случайным совпадение по времени скоротечных военных действий Баку в Нагорном Карабахе с двумя вышеупомянутыми учениями. Собственно, в Анкаре этого особо и не скрывают – согласно заявлению, МИД Турции от 19 сентября, «...Азербайджан был вынужден начать боевые действия в Карабахе», поскольку Армения якобы «устраивала многочисленные нападения и провокации», в ответ на которые «в карабахском регионе Азербайджана азербайджанская армия начала антитеррористическую операцию, направленную исключительно против военных формирований». А несколькими днями ранее в Министерстве обороны Турции заявили о том, что «продолжают поддерживать деятельность по модернизации и обучению азербайджанской армии, поиску и уничтожению мин и взрывных устройств на территориях, освобожденных от армянской оккупации», пообещав и впредь «поддерживать наших азербайджанских братьев и в горе, и в радости под девизом «одна нация, два государства», как делали это до сих пор».

В этом контексте резонно предположить, что военная операция Баку была полностью согласована с турецкими партнерами, подстраховавшими на всякий случай азербайджанскую армию на случай гипотетического вмешательства Армении. Впрочем, учитывая современное состояние вооруженных сил этой страны (о котором Баку и Анкара, конечно же, прекрасно осведомлены),

не говоря уж о политической ориентации действующего главы правительства, почва для подобного рода предположений отсутствовала полностью. Реджеп Эрдоган «ожидает от Армении выполнения обещаний, в частности открытие Зангезурского коридора». 11 сентября он связался с Николом Пашиняном, что дало повод некоторым армянским наблюдателям предположить, что «варчапет» (так армяне называют своего премьер-министра) заранее знал о предстоящих событиях. В свою очередь, его новые атаки на российских миротворцев, сопряженные с угрозой для эвакуирующихся жителей отдаленных сел Нагорного Карабаха, вызывают серьезные вопросы о его психической устойчивости и о работе его пропагандистской команды, которые, по мнению экспертов, способствуют приближению окончательного распада постсоветской армянской государственности.

Выступая на заседании Совбеза ООН по ситуации в Нагорном Карабахе некогда активный участник антироссийских акций в Армении, долго работавший на структуры Госдепа, министр иностранных дел Арапат Мирзоян ни разу не упомянул российских миротворцев, попросив вместо этого подготовить «возможности для создания уполномоченных ООН миротворческих сил для поддержания стабильности и безопасности в Нагорном Карабахе». В ответ на это глава азербайджанской дипломатии Джейхун Байрамов зачитал А. Мирзояну цитату из выступления его руководителя, Н. Пашиняна: «Прямой угрозы населению Нагорного Карабаха в настоящее время нет». Сложно выразить в рамках литературных норм глубину морально-психологического состояния, в котором оказалась страна под воздействием местных последователей Зеленского и его окружения.

Долгосрочный курс на подрыв российско-армянских связей там, где это только возможно, явно был обозначен в Ереване пять лет назад приехавшим туда Джоном Болтоном и в очередной раз учения с Национальной гвардией Канзаса Eagle Partner 2023 под легендой «отработки совместных миротворческих операций», по ходу которых засветились целых два генерала, наводят на определенные размышления. По одной из версий, под предлогом учений в Ереван прибыли специалисты по контрдиверсионной и контртеррористической борьбе, призванные поддержать Пашиняна и компанию на фоне массовых протестных акций армянской оппозиции, вполне ожидаемых по горячим следам финального акта карабахской драмы.

Сдача Нагорного Карабаха – один из шагов, направленных на вытеснение России с Южного Кавказа, полагает политолог и экономист Ваге Давтян. Перед Ереваном уже поставлены вполне конкретные требования по выходу из ОДКБ и ЕАЭС, а также выводу российской военной базы. Стратегический вакуум в Армении будет очень быстро заполнен не западным, а преимущественно турецким влиянием. При таком раскладе Турции намного проще будет «разыграть антироссийскую карту» на Северном Кавказе, разогревая ичкерийский проект, а также поддерживая Баку в его претензиях на южный Дагестан. И в этой связи еще с большей остротой встает вопрос о наличии у Москвы эффективных

форм реагирования на нежелательные для нее процессы, истоки которых восходят к первой половине 1990-х годов, когда американцы и их партнеры принялись активно осваивать Кавказский регион. Именно тогда, после подписания в 1993 г. в Баку «контракта века» и прокладки первого экспортного нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан под эгидой небезызвестного Массачусетского технологического института и его профессора Дэниела Файна, был разработан план военной операции США и НАТО под кодовым наименованием «Шторм над Каспием», нацеленный на провоцирование конфликтов в Каспийско-Черноморском регионе и (или) их консервацию под военно-политическим патронажем альянса, предполагающий размещение военных баз в Армении, Грузии и по берегам Каспия под предлогом охраны нефтегазовых месторождений, экспортных трубопроводов, портов и сопутствующей инфраструктуры. Заметим, именно на «турецкую трубу» перенаправила с начала 2023 года азербайджанская нефтяная компания SOCAR и без того минимальные объемы транзита, следовавшие ранее в сторону Новороссийска (в 2022 г. – 0,6 млн. тонн нефти с конденсатом – на 47,3% меньше, чем в 2021) [11].

Разумеется, время от времени «Шторм над Каспием» корректируется в зависимости от текущей геополитической конъюнктуры на Кавказе и в Центральной Азии, связи которых в последние месяцы, похоже, обретают новое качество. 22 сентября президент США Байден принимал в Нью-Йорке лидеров центральноазиатской «пятерки» и не приходится сомневаться, что резко возросшую активность его страны в Армении следует рассматривать в русле все того же приснопамятного «Шторма над Каспием».

К 2023 году США значительно сближаются с Арменией. В сентябре 2023 года разгорается новый конфликт в Нагорном Карабахе. Военная операция Азербайджана, длившаяся всего несколько часов, окончательно изменила статус-кво в регионе. Нагорный Карабах был полностью возвращен под юрисдикцию Азербайджана, а необходимость в российских миротворцах отпала. Это событие стало важным этапом в изменении баланса сил, открыв новые возможности для Турции, а также для США, которые продолжают искать способы усилить свое влияние в регионе. В то же время Россия оказалась перед необходимостью адаптироваться к новой геополитической реальности и корректировать свою стратегию на Южном Кавказе [15].

Энергетическая безопасность в Каспийском регионе. Каспийский регион обладает одними из крупнейших в мире запасов нефти и газа, а его географическое положение делает его ключевым звеном в международной энергетической системе. В последние десятилетия его значение только возросло, особенно на фоне стремления европейских стран сократить зависимость от российских энергоносителей. Развитие трубопроводной инфраструктуры стало стратегическим приоритетом как для стран региона, так и для внешних игроков.

Для транспортировки энергоресурсов были созданы важные магистральные трубопроводы, связывающие Каспий с мировыми рынками. Среди них особенно

значимыми являются Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) и Южный газовый коридор (ЮГК).

Баку – Тбилиси – Джейхан – один из самых крупных нефтепроводов, построенный для транспортировки азербайджанской нефти в обход России и Ирана. Он проходит через территорию Грузии и Турции, выходя к Средиземному морю, что делает его стратегически важным маршрутом для Европы.

Аналогичным образом, **Южный газовый коридор**, включающий Трансанатолийский (TANAP) и Трансадриатический (TAP) газопроводы, является важнейшим элементом европейской политики энергетической диверсификации. Он позволяет доставлять газ с месторождения Шах-Дениз в Азербайджане напрямую в Европу, и также представляет собой реальное решение для снижения зависимости от российского газа.

Однако переговорный процесс по газовым контрактам между Азербайджаном и европейскими странами, особенно Италией, был далеко не однозначным. Несмотря на декларируемую стратегию ЕС по отказу от долгосрочных контрактов с привязкой к ценам на нефть, Брюсселю пришлось сделать исключение для Баку. Более того, Азербайджан получил монопольное право на использование газопровода TAP, что закрыло доступ к нему для конкурентов, включая поставщиков из России. Объем поставок по этому маршруту был сравнительно невелик – 16 млрд кубометров в год, из которых 6 млрд предназначены для Турции, 8 млрд для Италии, а по 1 млрд поступало в Грецию и Болгарию. Однако сам факт реализации проекта стал важным шагом к энергетической независимости Европы, пусть и в ограниченном масштабе.

Идея создания проекта «TANAP-TAP» во многом была обусловлена желанием Евросоюза добиться успеха в южном направлении поставок газа. В то время сжиженный природный газ (СПГ) еще не рассматривался в качестве ключевого решения, а многие аналитики полагали, что США останутся его импортерами, а не экспортерами. В результате газовые потоки были направлены через Турцию, которая, осознав свою растущую роль в энергетической политике Европы, активно включилась в процесс. Параллельно Москва искала альтернативные пути поставок газа в Европу, чтобы минимизировать транзитные риски, связанные с Украиной. Первоначально южный маршрут должен был проходить через Болгарию, но под давлением США они отказались от проекта, что заставило Россию пересмотреть свои планы.

Так «Южный поток» был разделен: две его нитки ушли на север и стали частью «Северного потока-2», а оставшиеся мощности переформатировали в новый южный маршрут через Турцию. Оба направления предполагалось соединить в австрийском хабе Баумгартен, что породило в европейской прессе метафоры о «газовых клещах» России, якобы сжимающих энергорынок ЕС.

Тем не менее, геополитическая напряженность едва не поставила под угрозу реализацию этого важного проекта. В 2015 году отношения между Москвой и Анкарой пережили серьезный кризис после инцидента со сбитым российским Су-24. Однако после попытки государственного переворота в Турции в 2016

году, который сопровождался внутренними потрясениями, политический курс страны был пересмотрен, и сотрудничество в газовой сфере получило новый импульс. Так появилась идея создания турецкого газового хаба, который по сей день остается важным элементом энергетической стратегии страны [14].

В последние годы Турция начала адаптировать свою энергетическую политику, находя баланс между традиционными поставками российского газа и диверсификацией источников. После значительного роста цен на российский газ в 2019 году, страна сократила его закупки, предпочтя более доступный сжиженный природный газ (СПГ) и газ из Азербайджана. В 2020 году на мировом газовом рынке произошел заметный сдвиг: колебания цен и динамика поставок повысили привлекательность российского газа.

Стремясь уменьшить зависимость от российских энергоресурсов, Турция активно развивает собственный энергетический потенциал. Президент Реджеп Тайип Эрдоган заявил о наличии значительных запасов природного газа в Черном море, оцененных в 320 млрд кубометров. Хотя реальный потенциал добычи пока остается неопределенным, это заявление значительно укрепляет переговорные позиции Анкары и демонстрирует решимость страны достичь энергетической независимости, посылая четкий сигнал как Москве, так и мировому сообществу.

Одновременно с этим прогресс на втором участке газопровода TurkStream подчеркивает намерение Турции закрепить свою роль в качестве ключевого энергетического коридора в Европу. Несмотря на технические и логистические сложности, этот проект иллюстрирует стратегию Анкары, ориентированную на использование выгодного географического положения для достижения политических и экономических целей. Позиционируя себя в качестве незаменимого транзитного узла, Анкара стремится обеспечить себе влияние на дискуссии по вопросам энергетической безопасности в ЕС и одновременно сбалансировать отношения между Москвой и западными столицами. Энергетические амбиции Турции не всегда сочетаются с ее более широкими геополитическими интересами. В Ливии и Сирии, где турецкие силы регулярно вступают в противоборство со стороной, поддерживаемой Россией, отношения между Анкарой и Москвой становятся все более напряженными. Кроме того, сирийский конфликт усугубляет ситуацию, поскольку пересекающиеся интересы в области безопасности и прокси-соперничество ставят под сомнение перспективы дальнейшего сотрудничества между двумя странами.

Не останавливаясь на достигнутом, Турция продолжает диверсифицировать свой энергетический портфель. Знаковая сделка с TotalEnergies, заключенная в 2024 году, на поставку СПГ с 2027 года знаменует собой стратегический поворот. Это соглашение не только снижает зависимость от российского и иранского газа, но и позиционирует Турцию как растущего дистрибьютора энергии для Юго-Восточной Европы. Интегрируя инфраструктуру СПГ и развивая региональные партнерства, Анкара стремится превратиться из потребителя в ключевого игрока, формирующего энергетический ландшафт Европы.

В заключении необходимо отметить, что Кавказский и Каспийский регионы по-прежнему находятся под влиянием непрекращающегося карабахского конфликта. Для мировых держав Каспий – это стратегический приз. США и ЕС поддерживают прозападные группировки, чтобы уравновесить влияние России и Ирана, а союз Турции с Азербайджаном укрепляет ее роль как регионального лидера. По сути, карабахский конфликт, хотя и носит локальный характер, но усилил глобальное соперничество и изменил геополитику в сфере энергетики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Война и миф // rg.ru // https://rg.ru/2023/10/10/vojna-i-mif.html?utm_source=chatgpt.com.
2. Гончар: на Западе стремятся создать для России проблемы на Кавказе // ria.ru // https://ria.ru/20220425/rossiya-1785221529.html?utm_source=chatgpt.com.
3. Запад хочет включить Армению в «дугу сдерживания» России // vz.ru // https://vz.ru/world/2023/6/1/1214572.html?utm_source=chatgpt.com.
4. Ильхам Алиев: война НАТО и России будет мировым апокалипсисом // ria.ru // https://ria.ru/20241218/aliev-1989833136.html?utm_source=chatgpt.com.
5. **Маркедонов С.М.** Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 2.
6. Россия поворачивает ситуацию в Закавказье в свою пользу // vz.ru // https://vz.ru/opinions/2024/10/16/1291699.html?utm_source=chatgpt.com.
7. **Рыжов И.В., Толкачев В.В.** Проблемы обеспечения безопасности Каспийского региона в контексте конфликтов на Ближнем Востоке (2003–2016 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2 (51).
8. **Рыжов И.В., Яшкова Д.С.** Проблема Южного Азербайджана в современных ирано-азербайджанских отношениях // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Н. Новгород, 2016.
9. «Шторм над Каспием» США, Азербайджана и Турции: все ближе к Армении // <https://nashaarmenia.info/2020/07/28/шторм-над-каспием-сша-азербайджана/>.
10. Armenia and Azerbaijan Agree Treaty Terms to End Almost 40 Years of Conflict // reuters.com // https://www.reuters.com/world/armenia-says-it-is-ready-sign-peace-agreement-with-azerbaijan-2025-03-13/?utm_source=chatgpt.com.
11. Caucasus Conundrum: Navigating the Complexities of Current Conflicts and Future Scenarios // mondointernazionale.org // https://mondointernazionale.org/focus-allegati/caucasus-conundrum-navigating-the-complexities-of-current-conflicts-and-future-scenarios?utm_source=chatgpt.com.

12. Changing Geopolitics of the South Caucasus after the Second Karabakh War // cmi.no // https://www.cmi.no/publications/8911-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus-after-the-second-karabakh-war?utm_source=chatgpt.com.
13. Geopolitical Echoes of the Karabakh Conflict // css.ethz.ch // https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse334-EN.pdf?utm_source=chatgpt.com.
14. Geopolitics of the Nagorno-Karabakh War // geopoliticalmonitor.com // https://www.geopoliticalmonitor.com/geopolitics-of-the-nagorno-karabakh-war/?utm_source=chatgpt.com.
15. Shifting Geopolitical Realities in the South Caucasus // ui.se // https://www.ui.se/forskning/centrum-for-osteuropastudier/sceus-report/shifting-geopolitical-realities-in-the-south-caucasus/?utm_source=chatgpt.com.
16. The Current Geopolitical Situation in the South Caucasus // valdaiclub.com // https://www.valdaiclub.com/a/highlights/the-current-geopolitical-situation-in-the-caucasus/?utm_source=chatgpt.com.
17. The Geopolitics of the Nagorno-Karabakh Conflict // voanews.com // https://www.voanews.com/a/geopolitics-of-the-nagorno-karabakh-coinfect/7389937.html?utm_source=chatgpt.com.
18. The Post-Karabakh Geopolitical Landscape in the Caucasus // setav.org // https://www.setav.org/en/opinion/the-post-karabakh-geopolitical-landscape-in-the-caucasus?utm_source=chatgpt.com.
19. The Security Complex of South Caucasus and its Role in Global Politics // worldnewworld.com // https://worldnewworld.com/page/content.php?no=4411&utm_source=chatgpt.com.

D.A. AVERYANOVA-ZAITSEVA

PhD student, Department of Russian History and Politics,
Institute of International Relations and World History,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

S.YU. CHERNITSYNA

PhD candidate, Department of Russian History and Politics,
Institute of International Relations and World History,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

THE GEOPOLITICAL ROLE OF THE KARABAKH CONFLICT IN THE CAUCASUS AND CASPIAN REGIONS

The study is devoted to analyzing the impact of the Karabakh conflict on the geopolitical dynamics of the Caucasus and Caspian regions, which occupy a pivotal position at the intersection of energy, transportation, and strategic interests of global and regional powers. The relevance of the topic is driven by the escalation of the conflict in 2020, the restructuring of regional alliances, and intensified competition for control over resources and infrastructure. The article aims to identify the relationship between the evolution of the Karabakh conflict and the transformation of the geopolitical landscape in the Caucasus-Caspian region. Key objectives include assessing the role of external actors (Russia, Turkey, the U.S., the EU), analyzing the consequences of post-2020 military-political changes, and determining the conflict's impact on energy security and transportation corridors. The research is based on comparative analysis of international treaties, monitoring of media and official statements by key conflict participants, and expert assessments of the role of energy projects (TANAP, the Southern Gas Corridor). Data on military operations, ceasefire agreements, and peacekeeping missions are utilized.

It has been established that the Karabakh conflict acted as a catalyst for the redistribution of influence in the region: strengthening Turkey's role as Azerbaijan's strategic partner, consolidating Russia's military presence through peacekeeping forces, and reducing the U.S. ability to influence local processes. A direct correlation has been identified between the conflict and the security of energy routes linking the Caspian to Europe. The Karabakh conflict remains a nexus of contradictions that determines the balance of power in the Caucasus-Caspian region. Its development directly impacts the strategies of external players seeking to control energy resources and transportation arteries. Stabilizing the region requires a comprehensive approach that considers the interests of local states and the constraints imposed by the involvement of global powers. The study's results emphasize the necessity of multilateral settlement mechanisms to prevent new crises.

Key words: Karabakh conflict, energy security, Caucasus region, Caspian region, energy routes, Baku-Tbilisi-Ceyhan, Southern Gas Corridor, Turkey, Azerbaijan, Russia, EU.